

РОССИЯ И ЕВРОПА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Т. П. ЛОГИНОВА,

кандидат экономических наук, доцент,
Нижегородский государственный университет им Н.И. Лобачевского,
e-mail: taanya1@yandex.ru

Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционально-го анализа истории экономического развития).
Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. — 531 с.

Институциональная экономическая теория — сравнительно молодая и динамично развивающаяся область гуманитарных наук. Широкое общественное признание результативности институционального подхода выразилось в присвоении в последней трети XX в. Нобелевских премий ряду исследователей в этой области. В России институциональный подход стал широко известен в начале 90-х гг. XX в., причем в последнее время он все интенсивнее используется в сфере исторического приложения — в новой экономической истории.

Монография Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова стала первой научной работой, характеризующей развитие взаимоотношений между Россией и Европой и анализирующей возникающие между ними проблемы с позиций институциональной экономической истории. Современная экономическая история развивается чаще всего на стыке сразу трех областей научного знания — институциональной экономической теории, исторической и статистической наук и понимается как наука о процессах возникновения и развития институтов («правил игры»), определяющих отношения между людьми и механизмами, обеспечивающими их выполнение.

Используемый авторами подход представляет собой органическое соединение неинституционализма Д. Норта с теорией социально-экономических систем, разрабатываемой как марксистами, так и «старыми» институционалистами. В монографии активно используются также и различные идеи цивилизационных подходов. В частности, различия между путями развития России и Западной Европы трактуются двояко: с одной стороны, как различия между обществами восточного и западного путей развития, с другой стороны — как различия между цивилизациями-соседами, которые активно влияют друг на друга, осуществляя экспорт и импорт институтов. Данная теория экономической истории призвана определенным образом синтезировать лучшие идеи всех этих парадигм. Основой такого синтеза, по мнению авторов, может стать трактовка экономического развития как глобальной конкуренции экономических систем и институтов, в процессе которой происходит отбор (отчасти осознанный, отчасти стихийный) наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества.

Трактовка институтов как сознательно и/или стихийно складывающихся «правил игры» ставит вопрос о том, как и почему эти правила меняются. Сторонники новой экономической истории (Д. Норт) делают акцент на сознательном выборе норм, на институциональном конструировании и экспорте институтов, уделяя особое внимание революционизирующему влиянию, которое оказывают правовые инновации и изменение трансакционных издержек на социально-экономическое развитие. Последователи же П. Дэвида и Б. Артура затрагивают проблему институциональной инерции при изменении институтов. Речь идет о теории «зависимости от предшествующего развития». Суть этой зависимости заключается в том, что в каждый данный момент времени в экономике могут произойти не любые институциональные изменения, а лишь те, которые оказываются осуществимыми в сложившихся условиях, которые, в свою очередь, возникли как следствия более ранних аналогичных ситуаций⁵. Применение авторами монографии концепции зависимости от предшествующего развития к экономической истории позволяет видеть альтернативные издержки институтов и, соответственно, делать выводы об эффективности выбора, сделанного в бифуркационных точках социально-экономического развития. Таким образом, основной методологической концепцией, на которой логично выстроена вся исследовательская работа авторов, является представление экономической истории как последовательности институциональных выборов — выборов траекторий развития, коллективно совершаемых отдельными социальными группами и цивилизациями во взаимодействии друг с другом.

Рецензируемая монография состоит из трех частей. Первая часть (гл. 1–4) посвящена развитию доиндустриального общества.

⁵ Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: Учебник / Под общ. ред. д.э.н., проф. А.А. Аузана — М.: ИНФРА — М., 2005. с. 293.

Для анализа экономической истории человечества авторы предлагают использовать модель стадийного развития, согласно которой в развитии человеческого общества выделяются пять прогрессивных (по отношению к изначальному первобытному обществу) социально-экономических систем (формаций) — «азиатская», античная, феодальная, капиталистическая и посткапиталистическая.

Эта модель основана на представлении о двух параллельных путях общественного развития. Один («восточный путь») базируется на институтах власти-собственности, другой («западный путь») — на институтах частной собственности. По первому пути шло большинство раннеклассовых цивилизаций, однако он в целом оказался менее прогрессивным. Осуществить переход от доиндустриального к индустриальному общественному строю удалось только обществам западного пути развития, которые потом стали «прогрессорами» (но не всегда удачно) по отношению к обществам восточного пути развития.

Особый интерес вызывает обоснование авторами монографии места России среди цивилизаций Западной Европы и Востока. Проблема состоит в том, что в России удивительным образом сочетаются черты как Востока, так и Запада. Более того, как показано в монографии, на протяжении XIII–XVII вв. в России наблюдалось постоянное противоборство двух институциональных систем, двух наборов формальных и неформальных ограничений: основанных на восточной власти-собственности и основанных на западных принципах уважения прав частной собственности.

Многократно Россия демонстрировала желание стать «европейской страной», но природно-географическая среда, постоянные набеги кочевников, традиция православия как «общинно-государственного христианства» способствовали развитию в средневековой России институтов «государственного способа производства». Средневековая Московия была ближе к Востоку, чем к Западу. Кроме того, «пограничный» характер российской цивилизации привел к тому, что победившая в итоге московская модель отношений власти-собственности все же наталкивалась на противодействие иных моделей: новгородской, литовской и казацкой. Все эти три альтернативных варианта развития российской цивилизации потерпели поражение в конкуренции с московским «вотчинным государством».

Во второй части монографии (гл. 5–9) рассматриваются институциональные характеристики генезиса и развития западного промышленного капиталистического общества.

Кроме рассмотрения предпосылок возникновения капиталистических отношений, таких как становление производителя нового типа, свободного как личность, лишенного средств производства и жизненных средств, авторы монографии большое внимание уделяют анализу политических институтов Западной Европы, в частности, активной поддержке государством торговли и промышленности, защите прав собственности, обеспечению стабильности валюты, вложению в инфраструктуру, а также роли институтов в становлении рыночной экономики.

Глубоко и всестороннее изучение институциональных моделей становления капитализма показало органичную взаимосвязь факторов, влияющих на генезис капитализма и экономическое развитие вообще. Исследования авторов показали, что развитие затрагивает не только экономическую подсистему, но и широкий спектр неэкономических переменных, включая формальные и неформальные институты, культуру и всю систему ценностей, без которой полноценное развитие невозможно.

В монографии представлены характеристики трех промышленных революций: первой, которая создала материальный фундамент капиталистического общества; второй, которая перевела капитализм из фазы свободной конкуренции в олигополистическую фазу; и третьей (НТР), которая знаменует «завершение» капиталистического рыночного хозяйства. Дается достаточно подробный обзор основных направлений научно-технического прогресса в зрелом индустриальном обществе и основополагающих инноваций в научной организации труда (тейлоризм, фордизм, мейоизм).

В монографии проводится идея о том, что социально-экономическое развитие общества — это чередование эволюционных и революционных фаз. Революции (относительно быстрое возникновение качественно новой системы институтов) являются обязательным элементом истории и осуществляются в атмосфере силового противоборства сторонников разных моделей дальнейшего общественного развития. Окончательно побеждает, как правило, объективно более эффективный набор («пакет») институтов, но субъективные обстоятельства могут привести к временной победе не самой эффективной модели. Возникает так называемая «институциональная ловушка»: выбирая и закрепляя не самую эффективную модель, общество получает выгоду в краткосрочном периоде, но в будущем его подстерегают высокие потери.

Авторами глубоко и комплексно исследованы основные тенденции экономической истории развитых стран мира в XX в. Основным выводом данных исследований является то, что хозяйственное развитие во все меньшей степени идет «самостоком», но все больше становится результатом сознательного выбора. Выбор социально-экономических институтов, а следовательно, и дальнейшего направления развития происходит на трех уровнях: на отраслевом и межотраслевом уровне, на уровне национального государства и на наднациональном уровне в результате тесного взаимодействия различных субъектов экономики: олигополистических фирм, финансово-промышленных групп, правительств и иных государственных институтов, региональных экономических объединений, а также международных экономических организаций.

В рецензируемой работе детально проанализированы процессы формирования и функционирования национальных моделей смешанной экономики: западноевропейской, американской и японской моделей. Особое внимание уделено сравнительной характеристике эффективности основных типов европейской модели (скандинавской, континентальной, англо-саксонской, средиземноморской, догоняющей) в краткосрочном и долгосрочном периодах. Весь анализ подкреплен статистическими данными.

Наконец, третья часть (гл. 10–13) рассматривает российский путь развития с XVIII в. и до наших дней.

С начала XVIII в. до начала XX в. российская империя сознательно старалась стать Западом, не потеряв при этом своей самобытности. Это — догоняющее развитие, понимаемое как копирующая модернизация: отстающая страна целенаправленно копирует те институты более передовых стран, которые кажутся ей наиболее важными, чтобы сравняться с ушедшими вперед. Результат российского догоняющего развития, в процессе которого происходила конкуренция «восточных», основанных на власти-собственности, и «западных», основанных на частной собственности, институтов, получился весьма неоднозначным.

Если дореволюционная Россия значительно отставала от стран Западной Европы в создании институциональной базы для рыночного землепользования, то российские институты свободы и предпринимательства во многом достигли (по крайней мере, формально) западных стандартов. Можно констатировать, что темп роста производства в целом в дореволюционной России был заметным и ускоряющимся — не ниже, чем в других странах, осуществляющих модернизацию. Что касается роста сельскохозяйственной или промышленной производительности в России, то он был не более ограниченным, чем в других странах.

После 1917 г. российские традиции власти-собственности получили как бы второе рождение. Авторы убедительно доказывают, что даже в условиях СССР продолжалась конкуренция как между командными и рыночными институтами, так и между разными (более «жесткими» и более «мягкими») моделями командной экономики. Крупные социально-экономические реформы и институциональные изменения в СССР проводились в среднем раз в десятилетие и совпадали с правлением нового руководителя: провозглашение «военного коммунизма» в 1918 г., провозглашение НЭПа в 1921 г., «великий перелом» в 1928–1929 гг., «великий террор» в 1937–1938 гг., «совнархозная реформа» 1957 г., «косыгинская» реформа 1965 г., перестройка 1985–1991 гг. На основе анализа социально-экономических реформ, проведенных за все время существования СССР, можно выделить два цикла чередования усиления и ослабления командных институтов — малый цикл (1918–1928 гг.) и большой цикл (1928–1991 гг.). В начале цикла государство стремилось к тотальной национализации, но к концу его заметно уступало рыночным институтам.

Детальное изучение институциональных изменений дало возможность авторам предположить, что периодические реформы «сверху» вносят существенные, но обратимые изменения, не меняя глубинных основ жизни общества. Такие реформы восточного типа принципиально отличаются от реформ западного типа (как, например, реформа Л. Эрхарда в послевоенной Германии), когда инициатива политической элиты опирается на деятельную поддержку граждан и потому создает необратимые изменения.

Удачи и неудачи рыночных преобразований, происходивших в постсоветской России, во многом связаны с формированием и трансформацией экономических институтов. Глубокий анализ основных институциональных изменений позволил авторам сделать вывод, что Россия заметно ближе к странам «третьего мира», чем к развитым странам. В обоих случаях к порочным кругам в экономике добавляются порочные круги политической нестабильности. В условиях нестабильного политического режима высока опасность нарушения прав собственности, национализации частных предприятий, ограничения вывоза прибылей и т.д. Низкие темпы сбережения обуславливают низкие темпы инвестирования, что приводит к стагнации или даже падению национального производства, высокому уровню инфляции и, как следствие, к усилению социальной напряженности. Рост бедности и обострение социальных конфликтов, в свою очередь, создают угрозу резких политических изменений, со всеми вытекающими из них негативными последствиями. Сложность ситуации заключается в том, что негативные количественные изменения, накапливаясь, переходят в новое качественное состояние. Экономисты, изучающие зависимость от предшествующего развития, говорят об «эффекте блокировки»: после того как сделан некий выбор, определяющий сущность системы, дальнейшие изменения будут легко идти в ту же сторону, но очень тяжело — в обратную. На примере истории России Нового и Новейшего времени авторы монографии отлично демонстрирует этот эффект.

Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов завершают монографию оптимистичным прогнозом: несмотря на то что постсоветская Россия начала XXI в. в целом скорее противостоит Европе, чем сливается с ней, все же пути развития России и Европы сойдутся. Вопрос же когда и где останется открытым.

В заключение подчеркнем, что материал монографии, информационно насыщенной и содержательно актуальной, представлен в доступной для понимания форме, со множеством иллюстративного и статистического материала. Можно не сомневаться, что она будет интересна не только научным работникам и исследователям в области истории, социологии, политологии, институциональной экономики, но и преподавателям вузов, студентам, аспирантам, а также всем, кто интересуется проблемами экономической истории, экономической компаративистики и институциональной экономики.